

УДК 821.161.1 + 271.2

АРХИМАНДРИТ ФЕОДОР (БУХАРЕВ) КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Т. П. СИДОРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются литературно-критические статьи архимандрита Феодора (Бухарева), в которых дается оценка творчеству русских писателей Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского. Выявляются особенности литературной критики отца Феодора как духовного писателя (интенции, идейно-жанровая специфика, инструментарий), проводится анализ проблематики художественных произведений с точки зрения значимых для архимандрита богословских идей в контексте социально-исторических и культурных реалий его времени.

Ключевые слова: архимандрит Феодор (Бухарев); литературная критика; духовный писатель; идея; проблема; жанры критики; инструментарий.

АРХІМАНДРЫТ ФЁДАР (БУХАРАЎ) ЯК ЛІТАРАТУРНЫ КРЫТЫК

Т. П. СІДАРАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Разглядаюцца літаратурна-крытычныя артыкулы архімандрита Фёдара (Бухарава), у якіх даецца ацэнка творчасці рускіх пісьменнікаў М. В. Гоголя, Ф. М. Дастаеўскага, І. С. Тургенева, Н. Г. Чарнышэўскага. Выяўляюцца асаблівасці літаратурнай крытыкі айца Фёдара як духоўнага пісьменніка (інтэнцыі, ідэйна-жанравая спецыфіка, інструментарый), праводзіцца аналіз праблематыкі мастацкіх твораў з пункту гледжання значных для архімандрита багаслоўскіх ідэй у кантэксце сацыяльна-гістарычных і культурных рэалій яго часу.

Ключавыя словы: архімандрит Фёдар (Бухараў); літаратурная крытыка; духоўны пісьменнік; ідэя; праблема; жанры крытыкі; інструментарый.

Образец цитирования:

Сидорова Т.П. Архимандрит Феодор (Бухарев) как литературный критик. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;1:17–32.
EDN: UCCLXW

For citation:

Sidorova T.P. Archimandrite Feodor (Bukharev) as a literary critic. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:17–32. Russian.
EDN: UCCLXW

Автор:

Татьяна Петровна Сидорова – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета.

Author:

Tatyana P. Sidorova, PhD (philology), docent; head of the department of Russian literature, faculty of philology.
tsidorova1980@mail.ru

ARCHIMANDRITE FEODOR (BUKHAREV) AS A LITERARY CRITIC

T. P. SIDOROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the works of Russian writers N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, N. G. Chernyshevsky in the assessment of Archimandrite Feodor (Bukharev) on the material of his literary-critical articles. The features of literary criticism of Father Feodor as a spiritual writer (intentions, ideological and genre specificity, tools) as well as an analysis of the problems of works of art from the point of view of theological ideas significant for the Archimandrite in the context of the socio-historical and cultural realities of his time are revealed.

Keywords: Archimandrite Feodor (Bukharev); literary criticism; spiritual writer; idea; problem; genres of criticism; tools.

Введение

Непростое положение Церкви, вызванное реформами Петра I и последовавшей за ними секуляризацией общественной жизни, проявлялось не только в ограничении ее внешних свобод, но и в культурной изоляции клира. Его представители, которые в силу образованности и начитанности «от избытка сердца» желали публично высказываться по вопросам литературы или культуры, не имели такой возможности (Лк. 6:45). Ситуация не изменилась и в XIX в. «Культурный антиклерикализм» как специфическая черта социально-исторического контекста XIX в. проявлялся в «лишении языка» лиц в сане в целом и священников в частности. Здесь «речь идет о том, что представители образованных слоев общества не допускали для русской церкви возможности присутствовать в культурном пространстве, участвовать в культурной жизни людей и общества в целом» [1, с. 29]. Священники не имели возможности высказываться публично по вопросам культурной и общественной жизни в печатных изданиях, они не были вхожи в редакции или литературные объединения, даже если имели образование или занимались художественным творчеством. Только после Октябрьской революции 1917 г. в России, оказавшись в эмиграции в условиях свободы (как от давления атеистической государственной власти, так и от церковной администрации), духовные писатели «обрели голос».

К духовным писателям относятся лица духовного звания, получившие в таинстве рукоположения или пострига особую духовную благодать, которая позволяет им, кроме совершения таинств и богослужений, осуществлять пастырское попечение о верующих: духовное окормление, обучение и участие в миссионерской и благотворительной деятельности. Такую деятельность могут осуществлять не только священники, создавшие свою религиозно-философскую концепцию, как, например, протоиерей Сергей (Булгаков), протоиерей Василий (Зеньковский), но и глубоко образованные митрополиты, епископы, священники и монашествующие (митрополит Анастасий (Грибановский), митрополит Антоний (Храповицкий), священник Иоанн (Восторгов), священник Георгий (Флоровский), архиепископ Иоанн (Шаховской), протоиерей Александр (Шмеман), мать Мария (Скобцова) и др.). Духовные писатели данной категории занимают промежуточное положение между святыми духовными писателями (пророки, евангелисты (авторы Священного Писания)) и светскими духовными писателями (лица без сана, которые транслировали в своих художественных произведениях образы и мотивы христианской культуры (Б. Зайцев, И. Шмелев, Н. Городецкая и др.)).

При изучении творческого наследия духовных писателей мы обнаруживаем не только богословские произведения, но и литературно-критические труды, в которых дается оценка творчества светских авторов и их произведений с точки зрения современных запросов человека и общества, выраженная как в традиционных (статья, рецензия, обзор, эссе), так и специфических (проповедь, речь, мемуары, переписка) формах.

В общепринятую традиционную типологию литературных критиков (критики-профессионалы, критики-писатели, критики-философы (термин Г. А. Струве) [2, с. 380], критики-читатели) мы вводим дополнительный тип (критики – духовные писатели) как одну из разновидностей критиков-писателей.

Материалы и методы исследования

При осмыслении корпуса литературно-критических работ архимандрита Феодора Бухарева использовались следующие методы: культурно-исторический (при рассмотрении отражения проблем указанной

эпохи в творчестве духовного писателя), биографический, описательный и рецептивный (при раскрытии авторских стратегий взаимодействия с читателем и индивидуально-творческой специфики репрезентации литературно-критического материала).

Результаты и их обсуждение

Александр Матвеевич Бухарев (1822–1871) – русский духовный писатель, богослов, профессор Московской духовной академии (МДА), судьба которого отразила всю сложность взаимодействия церковной и светской культур в XIX в.

О своей эпохе сам отец Феодор писал так: «Деятнадцатый век проник и к нам, век, который, как Фома неверный, хочет все ощупать своими руками... Если в чем необходима и может иметь место одна только детская вера в истину, – девятнадцатому веку нужно, чтобы истина так засияла ему в глаза, что заносчивые его вопросы сами собою исчезли бы, и он пал перед ней в трепетном благоговении, и воскликнул бы из всей глубины верующей уже души: “Господь мой и Бог мой”. И это непременно будет, рано или поздно; потому что вечная истина всегда торжествует...»¹. В этом высказывании отец Феодор говорит об огромной пропасти, которая существовала между учением Церкви и корпусом знаний стремительно развивающейся науки и просвещения, при этом он надеется на проникновение евангельских истин во все сферы жизни человека его времени.

Отметим, что, несмотря на неоднозначное положение священства в контексте культурного диалога с социумом в XIX в., у одаренных, имеющих интуицию и дар слова пастырей все же была возможность оценивать литературное произведение и его автора. Чаще всего площадкой для публичной критики был амвон. Там во время проповедей или поминальных, памятных речей (на праздник, ко дню рождения писателя в храме при духовном училище или классической гимназии) священники могли выразить свое отношение к художественному творчеству отдельных авторов или светской культуре в целом. Пример такой деятельности находим в творчестве протоиерея-священномученика Иоанна Восторгова. Кроме того, у авторов всегда была приватная область самовыражения – переписка.

В историю русской литературы отец Феодор вошел благодаря письмам к Гоголю. Цикл «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году» известен в первую очередь гоголеведам и всем интересующимся творчеством Николая Васильевича в зрелый период. Но у отца Феодора есть незаслуженно обойденные вниманием литературно-критические статьи, которые, хотя и были написаны им после снятия монашеских обетов и лишения сана, по содержанию и интенциям не выходят за рамки христианского дискурса и продолжают идеи, отраженные в письмах к Н. В. Гоголю.

Рассматривать особенности литературной деятельности отца Феодора невозможно без обращения к его мирской и духовной биографии.

Жизнь Александра Матвеевича вначале складывалась предсказуемо. Его, сына дьякона, отличника Тверской семинарии, слушателя Московской духовной академии, принявшего монашество с именем Феодор по ее окончании в 1846 г., ожидало блестящее будущее в церковной среде. Как лучший выпускник отец Феодор был оставлен в МДА бакалавром на кафедре Священного Писания. В 1852 г. он получил звание экстраординарного профессора, а в 1853 г. принял сан архимандрита.

За период преподавания в МДА (1846–1854) и в последующие годы средоточием своей жизни архимандрит Феодор считал Христа, которым был очарован не менее, чем Ф. М. Достоевский, сложивший свой символ веры. Кстати, Ф. М. Достоевский, по воспоминаниям вдовы А. М. Бухарева Анны Сергеевны, «сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение», которое последовало после ухода отца Феодора из монашества².

«Два аспекта христианской вести поразили его [архимандрита Феодора]: искупление мира в целом и уничижение Христа. Жизнь должна быть освящена, “зачарована”, охвачена всеми формами духа Христа. Это освящение возможно через избранного Богом, Который смирил Себя. В своей работе над Откровением отец Феодор писал: “Наша русская задача – служить очищению мысли, знания, литературы, всей цивилизации мира”»³ (здесь и далее перевод наш. – Т. С.). Отец Феодор призывал будущих пастырей в МДА подражать Христу в его любви к человеку вплоть до страданий за него.

Принятие человека и вглядывание во все сотворенное им как носителем образа Божиего занимало отца Феодора более всего. Н. А. Бердяев в своем труде «Русская идея» заметил, что архимандриту была «свойственна необыкновенная человечность, все христианство его проникнуто духом человечности.

¹Бухарев А. М. Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Buharev/tri-pisma-k-n-v-gogolyu/#0_1 (дата обращения: 22.08.2025).

²Бухарев А. М. Письмо к М. П. Погодину // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Buharev/pismo-k-m-p-pogodinu/ (дата обращения: 20.08.2025).

³Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought. Leighton Buzzard : [s. n.], 1938. 185 p.

Он хочет осуществлять эту христианскую человечность» [3, с. 89]. По этой причине отцу Феодору так откликнулся публицистический сборник Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В своей уединенной жизни в МДА как монах и ученый архимандрит с интересом следил за культурными событиями светского мира: «Тогда это было в новинку, поскольку Филарет, например, был против даже наличия произведений художественной литературы в библиотеках богословских школ»⁴. Как человек, внимательно следивший за книжными новинками, светской и духовной публицистикой, архимандрит Феодор не мог не заметить активной критики, обрушившейся на книгу Н. В. Гоголя как со стороны левых (В. Г. Белинский), так и со стороны консерваторов (С. Т. Аксаков). Напомним, что основной идеей книги писателя было впускание Христа во все сферы жизни: быт, искусство (литература, театр), общественную деятельность (органы местного и государственного управления). Эти идеи были близки архимандриту Феодору.

Сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» по жанру близок к проповеди, поэтому желание Н. В. Гоголя узнать мнение об этом произведении духовных лиц было естественным. Известно, что писатель обратился к ряду пастырей с просьбой дать оценку его труду. Большинство адресатов (архиепископ Херсонский Иннокентий, протоиерей Тарасий (Серединский), епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов), иерей Матфей Константиновский, митрополит Московский и Коломенский Филарет) в той или иной форме твердо и назидательно охладил пыл Гоголя-проповедника.

Архимандрит Феодор является единственным из служителей Церкви, кто не просто изъявил желание дать отзыв на книгу писателя, но и вступил с ним в переписку, а также попросил Н. В. Гоголя о личном знакомстве. Монах приглашает светского писателя встретиться для общения. Для XIX в. этот поступок был сродни юродствованию, поскольку, как уже упоминалось выше, между представителями светской культуры и клиром существовали противоречия. Архимандрита Феодора многие считали блаженным, человеком не от мира сего. Эти качества могли быть сформированы у него под воздействием духовного окормления у юродивого отца. Известно, что духовным руководителем отца Феодора, помимо митрополита Московского и Коломенского Филарета, был Христа ради юродивый блаженный старец иерей Петр (Томаницкий).

Отец Феодор делает шаг навстречу отверженному подавляющим большинством Н. В. Гоголю, чтобы поддержать его и объяснить ему, растерянному и утратившему начальную уверенность в правильности своей миссии, что книга «Выбранные места из переписки с друзьями» не случайный феномен творчества, а логичное завершение этапа духовного становления писателя, пожелавшего посвятить свое словесное творчество служению Богу.

Известно, что произведение «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» было отправлено отцом Феодором митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету для благословения на публикацию. Как монах отец Феодор не мог не получить разрешения у владыки. Прочитав только первое письмо к Гоголю (второе и третье были написаны после запрещения первого), митрополит Московский и Коломенский Филарет его не одобрил. Историк, профессор Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук М. П. Погодин в статье «Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве (архимандрит Феодор)» передает личную встречу монаха и митрополита так: «...митрополит выразил ему сильное неудовольствие за неприличный предмет занятий и на все его доводы говорил: “Это глупо”, или “Это гордо”, – так что Бухарев замолчал. Тогда митрополит сказал ему с сердцем: “Почему ты ничего не говоришь?” – “Потому, – отвечал Бухарев, – что я не хочу, сколько от меня зависит, говорить ни глупых, ни гордых речей”. Эти слова так подействовали на митрополита Филарета, что он вдруг смягчился и сказал ласково: “Ну вот, ты уже и рассердился!” – тотчас переменял совершенно тон и начал относиться уважительно. О. Феодор занемог вскоре после этой беседы и пролежал несколько недель в больнице. По выздоровлении, пред отъездом в Лавру, явился опять к митрополиту, который принял его с особенною лаской и провел с ним часа два в отечески откровенной беседе, отказывая прочим посетителям» [3, с. 335]. Н. В. Серебrennikov в статье «Архимандрит и отделение критики: судьба Бухарева» подчеркивает, что почти 14 лет после запрета публикации писем к Н. В. Гоголю отец Феодор «не пытался выступать как литературный критик»⁵ [3, с. 8].

После неудачной попытки издания книги «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (она будет опубликована в Санкт-Петербурге только в 1861 г.) архимандрит вступает в личную переписку с Н. В. Гоголем и приглашает его в МДА на встречу со студентами. Отец Феодор читал писателю отрывки из своего произведения. «Из его речей, – свидетельствует архимандрит, – мне можно было с грустью видеть, что не мешало бы сказать и благоприятному о его “Переписке” голосу: мне виделся в нем уже мученик нравственного одиночества...» [4, с. 134].

⁴Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

⁵Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – Т. С.

История дружбы Н. В. Гоголя и архимандрита Феодора знаменует начало диалога между Церковью и творческой интеллигенцией в XIX в. Тропа писателя в лавру к преподобному Сергию превратится в «тропу покаяния», по которой Ф. М. Достоевский придет в скит к старцу Амвросию Оптинскому.

Подробно посещение Н. В. Гоголем по приглашению отца Феодора Троице-Сергиевой Лавры 1 октября 1851 г. за пять месяцев до его кончины описано В. В. Крестовоздвиженским в его «Заметке»: «Он казался нам скучным и задумчивым. Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: “Нам очень приятно видеть вас, Н<иколай> В<асильевич>, мы любим и глубоко уважаем ваши произведения”. Н<иколай> В<асильевич>, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его *духовным воспитанникам*: “Благодарю вас, гг., за расположение ваше. Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, *служим одному Хозяину... У нас один Хозяин*”. Начав говорить несколько потупившись, Н<иколай> В<асильевич> произнес последние слова, устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то; но как будто не нашелся и вслед за тем навсегда раскланялся с студентами, произнеся последнее “Прощайте!” Только теперь очнулись воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Н<иколая> В<асильевича>; и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов» [3, с. 67–68].

Через Н. В. Гоголя архимандрит Феодор познакомился с М. П. Погодиным и вступил с ним в переписку. Из нее узнаем о трагедии, случившейся с важным для отца Феодора трудом «Толкование на Апокалипсис», который он начал писать еще в МДА и считал делом всей своей жизни: «Надо начать почти *ab ovo*. Не знаю, говорил ли вам покойный Гоголь, что моя кафедра в Московской академии была и по исследованию Св. Писания. Проследя один раз оба Завета с особенно занимавшею меня задачей – раскрывать внутренне последовательный порядок, в каком шли ветхозаветные и новозаветные откровения, я награжден и утешен был и вообще обилием раскрывшегося передо мною света Божия, и особенно разъяснением последнего таинственного Откровения – Апокалипсиса. Это последнее совершилось просто и как бы само собою: идя со строгою последовательностью, чрез это я доведен был до такой точки, с которой, с помощью истории, стало видно содержание Апокалипсиса в его значении. Но то самое, что так просто было для меня, обратилось в камень преткновения для опасавшихся унизить авторитет своего учительства вниманием к молодому ученому. Вот уж восемь лет тому, как мой свышесдекалетний труд по исследованию Апокалипсиса, труд обстоятельного и подробного обозрения зрелища, мне здесь открывшегося, запрещен и схоронен в могиле цензурного архива, хотя пред тем уже был одобрен духовною цензурой и даже начат печатанием» [3, с. 333].

Толкование Апокалипсиса, которое архимандрит Феодор включал в свои лекции в МДА, слушал митрополит Московский и Коломенский Филарет, одобвивший их: «Видишь мерцание света». В последующем эта публикация была запрещена, поскольку «митрополит Филарет был убежден в добрых намерениях архимандрита, но считал, что его язык провоцирует смятение в мыслях. Стиль Бухарева, действительно, тяжелый и путанный, но в то же время в нем есть что-то детское и убедительно искреннее»⁶. Митрополит с добротой относился к отцу Феодору, но запрещал печатать его сочинения. «Вообще же владыка весьма любил Бухарева, особенно за его искренность, хотя и считал нужным сдерживать его порывы. Когда о. Феодор был переведен в Казань на столь ответственные предметы, как богословие догматическое и нравственное, Филарет ставил в заслугу Московской академии, что старшая сестра уступает младшей такого профессора. Он не перестал заботиться о нем и помогать ему даже тогда, когда он вышел из монашества» [3, с. 12].

Можно предположить, что владыка Филарет «запрещал (печать произведений. – Т. С.) совсем не потому, что полагал их неправославными либо сомневался в чистоте и целостности веры ученика-богослова. Он не выпускал своего ученика дальше тех пределов, что ставил сам для себя. А пределы эти были очерчены святоотеческим наследием и требовали “догматической точности слововыражения”. То, что не позволял митрополит лицам духовным, дозволял “светской” публике, религиозным философам»⁷.

В качестве профессора догматического богословия архимандрит Феодор был направлен в Казанскую духовную академию в 1854 г. Суровая атмосфера места, где дисциплина была основана на страхе и наказании, была тяжелым испытанием для добросердечного и мечтательного человека: «он попытался взять на себя судьбу студента и считал их недостатки, как свои собственные. Известно, что Бухарев болел два или три дня за проступки студента»⁸.

Отец Феодор приезжал в Оптину пустынь и пожелал остаться там в 1855 г. Но его прошение об отставке не было принято. В Казанской духовной академии его часто высмеивали как своего рода блаженного. Архимандрит организовал там что-то вроде особых вечеров с отцом Феодором среди светской публики.

⁶Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

⁷Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 14.

⁸Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

В 1858 г. он вошел в состав Комитета церковной цензуры и начал цензуровать журнал «Домашняя беседа», редактором которого был выпускник Киевской духовной академии, влиятельный человек в церковной среде В. И. Аскоченский (1813–1879). Возмущенный «мрачным изуверством», с которым В. И. Аскоченский нападал на все мирское, отец Феодор стал править некоторые статьи издания. Редактор в свою очередь обвинял цензора в гегельянстве, называя его приверженцем «зверя Гегеля» (Б. Спинозы, Вольтера, И. Г. Фихте). Он считал отца Феодора представителем «философского направления» МДА. В. И. Аскоченский не поддерживал намерение архимандрита примирить православие с современностью. Он считал, что «дух православия стоит в непримиримом отношении к современности, лежащей во зле, в греховных мерзостях». В. И. Аскоченский подчеркивал, что он узко понимает сущность православия, т. е. «в рамках, указанных церковью и вселенскими соборами»⁹. В. И. Аскоченский, бесспорно, сыграл свою роль в наложении запрета на печать труда «Толкование на Апокалипсис» архимандрита Феодора.

Отец Феодор в 1860 г. выпустил книгу «О православии в отношении к современности», вызвавшую полемику в печати из-за смелых для того времени взглядов, фокусировавшихся вокруг идеи впуска Христа во все сферы жизни человека, а не только в церковное бытие.

Архимандрит в 1861 г. подал прошение в Святейший синод о прекращении своей деятельности в качестве цензора по причине расстроенного здоровья. По воле Святейшего синода он был помещен в братство Никитского переславского монастыря Владимирской епархии.

Святейший синод в 1862 г. запретил труд отца Феодора «Исследование Апокалипсиса» (опубликован в 1916 г.), 20 июля 1862 г. архимандрит направил в Святейший синод прошение о сложении сана, а 6 сентября 1862 г. написал прошение императору об отмене запрета на труд об Апокалипсисе, но получил отказ. 22 октября 1862 г. Владимирская духовная консистория вынесла определение о 3-месячном увещании отца Феодора. Наконец, 25 июня 1863 г., Святейший синод дал разрешение на снятие его духовного и монашеского сана с лишением звания магистра и права проживания в тех епархиях, где он пребывал монахом.

Александр Матвеевич подписал сложение сана и отречение от всех званий 31 июля 1863 г. Вскоре после этого, 16 августа 1863 г., он повенчался с 23-летней дочерью переславского помещика Анной Сергеевной Родышевской. Они прожили в супружестве восемь лет, вместе пережили голод, скитания по России, смерть дочери, нищету.

Об этом жизненном этапе А. М. Бухарев так писал М. П. Погодину: «Имея за себя неподкупную историю, оправдывающую мое разъяснение Откровения, и правду православия, раскрываемую в моем труде вместе с откровением и историей, я не мог и не могу согласиться с усиливающимися скрыть этот свет под спудом. Так, не будучи оставаться в *добросовестных* отношениях по монашеству к высшим даже аввам, я сложил с себя монашеский и священный сан, хотя до того был монахом не фальшивым, а по совести; поэтому-то, впрочем, мне и не хотелось, как и следовало, фальшивить, оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех, кого должен был по монашеству слушаться» [3, с. 9–10]. Среди бумаг, которые передала М. П. Погодину вдова А. М. Бухарева, была записка следующего содержания: «Болезненный и ничего у себя не имеющий, занятый делом Божией истины и Церкви, пошел я на семилетнюю эпитимию, лишение прав, потерю прошедшей беспорочной службы, решился на позор расстрижения, чтобы не оставаться в противных совести отношениях беспрекословного повиновения духовному начальству» [3, с. 10].

Отец Феодор с 1863 г. принимает светское имя Александр Матвеевич Бухарев, за которым следует формулировка «сын дьякона, расстрига». Очень важно, что он не разрывает отношений с Церковью, поэтому его опыт невозможно сравнивать с опытом, например, Мартина Лютера: «Перемена жизненного пути Бухарева – не результат внутреннего кризиса... а, напротив, поступок, вызванный внешними условиями и мотивированный всем мирозерцанием о. Феодора, героический акт исповедничества» [3, с. 11]. А. М. Бухарев писал В. В. Любимовой: «В среде монашества стали меня стеснять в служении слову Божию; мне такого монашества не нужно, потому что я и в монашество пошел ради слова Божией истины. Не хотят внимать учению, что и в земном, и в мирском надо нам служить Господу, – что священство нам дано для послужения именно тому, чтобы и все были духовно цари и иереи Богу и Отцу; ну, так надо делом взяться за это, чтобы, и став в ряду мирян, быть верным благодати царственного священства, к которому все призваны. Но не хочу идти, даже и во внутренней моей мысли, против православной иерархии, т. е. ее винить, а себя оправдывать: потому что иду я на позор расстрижения, под эпитимию церковную, как сам виноватый»¹⁰.

⁹Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 31.

¹⁰Письма архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева) к казанским друзьям: В. В. Любимовой, А. И. Дубровиной и протоиерею В. В. Лаврскому // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Buharev/pisma-arhimandrita-feodora-aleksandra-matveevicha-buhareva-k-kazanskim-druzjam-v-v-lyubimovoj-a-i-dubrovinoj-i-protoieryu-v-v-lavrskomu/ (дата обращения: 10.07.2025).

Архимандрита Феодора не понимали в церковной среде. В. В. Розанов высказывался более кардинально: «В своей собственной среде архимандрит Феодор был затоптан, не пощажен; а миссия его, на несколько лет как бы скрывшаяся под землю, – как есть подобные источники в горах – вышла наружу и потекла уже неодолимою рекою в месте совершенно ином, в стане других людей – в литературе и светском обществе»¹¹. Для многих представителей церковной среды идея отца Феодора сблизить православие с жизнью казалась обмирщением Церкви, даже ересью. Архимандрит не собирался обмирщать Церковь. Он хотел освящения мира светом православия. По замечанию М. М. Тареева, «А. М. Бухарев хотел, чтобы не было ни одной области в человеческой жизни, которая могла бы протекать вне света Христова, – он хотел, чтобы безусловно все стороны нашей жизнедеятельности развивались по духу Христову – наука, искусство, семья, государство, народность, гражданственность... Неутомимость, с какою он прилагал православную точку зрения ко всем без исключения вопросам и затруднениям, какие только возникали в современной ему общественной жизни, поразительна. Он дышал православием и не забывал его ни на одну минуту. Рассуждал ли он о сочинениях Гоголя, о раскольниках и миссионерстве, о западной науке, о женщинах и семье, о евреях, о власти и подданных – все он рассматривал с точки зрения православия» [3, с. 13].

Христианское воззрение А. М. Бухарева было последовательным и ясным: «“Да Христа обрящем” – постараемся воплотить дух Христов во всей нашей жизни и внешней практике. Эта основная мысль арх. Феодора проводится во всякой статье его, будь то рассуждение о картине Иванова или разбор романов Чернышевского, Тургенева, Достоевского»¹².

Центральной идеей жизни и творчества архимандрита была идея личности Христа. Н. А. Бердяев назовет это панхристизмом: «Он хочет приобретения и усвоения себе Христа, а не Его заповедей. Он все сводит к Христу, к Его лику. <...> Дух Христов не отворачивание от людей, а человеколюбие и самопожертвование. Бухарев особенно настаивает на том, что главная жертва Христа – за мир и человека, а не жертва человека и мира для Бога» [3, с. 91].

Жить по духу Христа, находить божественный свет во тьме материи и греха – цели жизни архимандрита Феодора. Взгляд, которым он смотрит на все сотворенное – это взгляд Христа (смотреть на человека с любовью, которой его любит Спаситель, – способность святого): «Не с осуждением человеческих неверностей, а в духе Христовой любви смотрел архимандрит Феодор на раскрытие человеческой мысли, фантазии и души в искусстве, литературе, науке»¹³. И эта черта особенно заметно проявилась в литературно-критической деятельности отца Феодора.

Феномен жизни А. М. Бухарева заключается в том, что он сумел совместить в себе духовное служение в качестве архимандрита и светскую деятельность в качестве литературного критика. Н. В. Серебрянников отмечает: «Взывая к согласованию жизненных потребностей с духовными запросами христианства, сораспываясь с миром сим и его обличая, о. Феодор, прежде чем дойти до грани, где его ждала кьеркегоровская диллема “или – или”, употребил все усилия, дабы слова “архимандрит и отделение критики” воспринимались как нечто естественное и ни в коем случае не как противопоставление» [4, с. 6].

Однако если богословское наследие отца Феодора официально включено в историю русской церковной мысли¹⁴, то литературно-критическая деятельность архимандрита не исследована совсем: есть рецензия на книгу «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году» священника П. А. Матвеевского и отдельные обзорные статьи А. И. Кривошеевой, Н. В. Серебрянникова, Б. Ф. Егорова по его литературной деятельности в контексте биографии в целом [3].

Комплексное исследование литературно-критических работ архимандрита Феодора заполнит пробел в истории русской литературной критики, добавив в нее еще одно имя критика – духовного писателя. Себя отец Феодор относил к критикам, хотя и не без скромности. Так в письме к Н. В. Гоголю он пишет: «Думаю я свою критику о вас, или как угодно проще назовите мое дело»¹⁵. Тем более, «архимандрит Феодор верил, что литературная работа есть его истинное призвание в служении Богу и людям. Кризис, вызванный невозможностью напечатать книгу (“Исследования Апокалипсиса”), мог быть объяснен только глубокой убежденностью, высказанной Бухаревым еще в 1848 (Письма к Гоголю) о том, что Церковь и светская жизнь должны объединиться в общей задаче освящения жизни»¹⁶.

К литературно-критическим работам архимандрита Феодора относятся «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», а также ряд критико-публицистических статей, вышедших в свет уже под светским именем после 1863 г., в которых рассматривались романы «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Что делать?»

¹¹ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 33.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Бухарев А. М. // Православная энциклопедия : сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/153711.html> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 257.

¹⁶ Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

Н. Г. Чернышевского, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Большинство критических работ вошли в сборник «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (1865).

По мнению одного из первых исследователей творчества А. М. Бухарева литературного критика К. Кокшенёвой, «статьи о литературе архимандрита Феодора Бухарева являют нам особый тип духовной критики, стремящейся всему мирскому и земному дать христианское основание»¹⁷.

Перед тем как обратиться к оценке отцом Феодором литературных произведений, рассмотрим его взгляды как художественного критика на культуру и искусство в целом, которые отражены в статьях «Явление Христа миру. Картина Иванова» (1859), «О православии в отношении к современности» (1860), «О журналах наших, светских и духовных» (1862). В них содержатся высказывания о природе искусства, предназначении художника и роли критика как такового. Свои мысли А. М. Бухарев подтверждает ссылками на авторитетный для духовного писателя источник – Священное Писание и святоотеческое учение.

Творчество отец Феодор оценивает с позиции православного христианина и богослова, а произведение измеряет критерием соответствия или несоответствия евангельскому учению: «Вот прямой взгляд на искусство, если только мы будем судить о нем как христиане, а не как неверные или язычники!»¹⁸; «Настоящая богословская точка зрения – смотреть на все на основании и по духу Христа Бога Слова»¹⁹.

Служитель Церкви может и даже должен оценивать светскую культуру, «но зачем духовному человеку вмешиваться в дела и запутанности мысли и литературы светской? Что общего у богословской точки зрения с мирским словом?» Отец Феодор вспоминает слова, сказанные Н. В. Гоголем при посещении МДА: «У нас с вами один Хозяин. Мы все работаем у одного Хозяина». Архимандрит восклицает: «И так вот и светский человек не хотел отделять своего дела от благодатного владычества Христова; тем более служителю Христовой благодати свойственно и должно служить распространению благодатного осенения на все, сколько возможно»²⁰.

Духовный писатель может найти отблески божественной истины даже в атеистических произведениях. И здесь отец Феодор упоминает использование В. Г. Белинским цитат из Священного Писания, которыми тот бравировал для критики христианской этики. Как читатель произведений В. Г. Белинского архимандрит понимал их по-своему, в парадигме религиозной традиции: «И потому выходило, что следя систему его мыслей, извращающую Христову истину, я в своем уме развивал живую систему самой Христовой истины. И сколько, помню, радостей было у меня, что вот наконец взялись люди за ум углубляться в премудрость Божию и раскрывать ее свет для всяких дел! Я обманывался; но, благодаря именно такому чтению Белинского, мысль моя довольно развилась и окрепла в светлом, живом и отчетливом направлении Веры»²¹.

Святые отцы не гнушались светским, даже языческим, искусством для проповедования христианства: «Святые Отцы для меня были авторитетами живой, обнимающей в высших своих представителях (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин и др. – Т. С.) все современное им образование, мысли Веры»²².

Далее в подтверждение своей идеи о необходимости обращения духовного писателя к оценке светских произведений А. М. Бухарев упоминает видение апостола Петра, в котором ему было явлено покрывало с разными животными, в том числе нечистыми: «На возможные пререкания о мнимой несовместимости живого внимания к светскому слову с богословским образованием напомним видение св. Апостола Петра, указывавшее на призвание ко Христу языческого мира. Петр в восхищении духа видел, что из отверстого неба спустилась пред ним как будто плащаница, в которой были вся четвероногия земли: и зверье, и гады, и птицы небесные. Петру сказано было при сем: восстав заколи и язьдь; и когда Апостол находил это несовместимым с воззрениями Ветхозаветного Богословия, то ему был глас уже Новозаветного Богословия: яже Бог очистил еси, ты не скверни (Деян. 10, 11–15)»²³.

Традиционно критик призван оценивать каждое явление культуры с точки зрения современности. Отец Феодор находит подтверждение этой мысли в Священном Писании: «Сам Господь наш сильно упрекал не только законников и учителей иудейских, но и весь народ Божий за невнимательность к современным нуждам и опасностям по отношению к вере. <...> С этой именно стороны и нам в особенности нужно испытывать нашу современность в отношении к православию»²⁴.

¹⁷ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 94.

¹⁹ Там же. С. 255.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 256.

²⁴ Там же. С. 53–54.

Архимандрит настаивал на том, что монополии на истину не существует, и есть только одна истина – Христос. Он является мерилom ценности того, что совершает человек. Важным в христологии для отца Феодора является идея о кенозисе²⁵ Иисуса Христа (его уничтожение через принятие человеческой природы со всеми ее качествами (фантазией, мыслью, словом) и ее преображение и вознесение в небесную славу): «Единосущный Сын Божий, восприняв и сохранив в единстве своего лица, в соединении с Божеством своим и человеческое естество с человеческою волею и действием человеческим, значит – и с человеческими мыслями, желаниями, чувствами, воспоминанием, воображением, и – все это ради нас, человеков»²⁶. Возвращаясь к реалиям своего времени, отец Феодор сетовал, что современные христиане, подобно древним представителям арианства, разграничивают две сферы соприсутствия с Христом: в церкви, где «прямо к вере и благочестию содержится или исполняется как следует, по Христу» и в других сферах жизни, где «во всем прочем дается место разным житейским или идеальным началам, уже не возводимым под небесное Главенство Христово»²⁷. Между тем, следует «признавать и иметь Христа Спасителя верховным живым началом своей мысли, своей воли, сердца, воображения, и следовательно, всей области наук, искусств, жизни общественной и частной», – заключал отец Феодор²⁸.

Человек, как образ и подобие Божие, несет в себе отблески творческой энергии, заложенной в него Творцом. Талантливый художник – избранник Божий, он призван служить словом для преображения мира и совершенствования человека.

Задача искусства состоит в том, чтобы художник «своим так называемым творческим дарованием сколько-нибудь ощутил силу и державу любви Отца, на все в Сыне простирающейся и всему приемлющему во Св. Духе удобосообщимой, и чтобы отобразил это в своем создании, хотя бы совсем бессознательно, хотя бы так, как солнце отражается в капельке воды»²⁹.

Истинное творчество пророческое, природа искусства молитвенна. Так, о художнике А. А. Иванове отец Феодор пишет, что «сам покойный, разве теперь в другой жизни, видит и в блаженном Христовом утешении то, что он только предчувствовал в своем творческом вдохновении». Далее архимандрит добавляет: «Мне думается, что многолетнее дело Иванова, сопряженное со многими и внешними и духовными борениями, принято от Господа как молитвенный подвиг за Россию»³⁰. В другой своей работе А. М. Бухарев высказывал следующую мысль: «Истинную поэзию и в простом человеческом творении ныне уже ищут или полагают не во внешности только стихотворной» [5, с. 2].

Христос принес себя в жертву за каждого человека. Поэтому в любой деятельности, даже той, которая кажется несовершенной и далекой от трансляции духовного содержания, критик, как православный христианин, должен найти что-то светлое. Таким образом, отец Феодор считает, что задача искусства, обозначенная выше, «относится к художникам даже неверующим и язычникам, только бы они имели истинный талант художников: потому что в самой природе человека творческие силы и идеи в своем существе составляют не что иное, как отсвет того же Бога Слова, в Котором существенно и вечно открыта вся любовь Отчая, так как Он есть един истинный свет, *просвещающий всякого человека, грядущего в мир*. Все истинно светло, что еще сколько-нибудь теплится в духовной природе человека, принадлежит именно этому, а не иному источнику света»³¹.

«Испорченной фантазии» не существует – в каждой есть потенциал превращения в нечто доброе с точки зрения истины. Идею о том, что фантазия может быть «блудницею», отец Феодор развивает метафорически, накладывая на евангельскую историю о женщине, уличенной в прелюбодеянии: «Положим, моя мысль или так называемая творческая фантазия (говорю: в лице ученого или художника) была и блудницею, и все книжники и фарисеи обличали бы и готовы были бы побить эту блудницу камнями. Но если я уже пришел или со стыдением лица и вместе с упованием *только еще иду к Тому*³², Кто человеческую мысль и фантазию, как и всю природу человеческую, взял ради меня в неразрывный союз с своим всеблагостным, вседержавным Божеством; то Он Сам заступится за мою мысль и фантазию, не даст связывать и забить камнями грешницу, а напротив, связанную развяжет, и обличенную не осудит и другим не даст осудить – *Вземляй грехи мира*. Слышу, что Он говорит: *ни аз тебе осуждаю*.

²⁵Кенозис (греч. *κένωσις*; лат. *Exinanitio* – умаление, опустошение) – богословский термин, обозначающий уничижительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при воплощении для спасения мира. Самоуничтожение и последовавшее за ним прославление Иисуса Христа Богом Отцом описано во второй главе послания апостола Павла к филиппийцам.

²⁶Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 68.

²⁷Там же. С. 64.

²⁸Там же.

²⁹Там же. С. 94.

³⁰Там же. С. 113–114.

³¹Там же. С. 92.

³²Курсив наш. – Т. С.

Иди и отсель к тому не согрешай... Ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет жизни (Иоан. 8, 11.12.)»³³.

Церковь в лице своих служителей и ревностных христиан не должна препятствовать распространению истины и «прятать» (запрещать) Христа от людей светской культуры, а разрешить им впустить его в свое творчество и способствовать этому впусканью через нравственную поддержку, правильное руководство и чуткое наставление. Пастырям следует служить не по букве закона, а по духу любви: «Ревность по православию, служению благочестию должны настраиваться не по духу отчуждения»³⁴. Примером для современных поборников благочестия должны быть святые мученики, которые «держали победу прежде всего над иудейством. Для усвоения себе этой победы нам всемерно надобно стараться, чтобы отнюдь не допускать до себя мертвого и рабского духа иудейства, состоящего в ревности только по букве Божией истины, взятой вне своей силы и духа»³⁵. Более того, священник, который не поддержит стремящегося к духовному пути писателя, будет подвергнут наказанию Божию: «И я знаю, что вы будете жаловаться на меня Судии, если здесь и покончу беседу, если разом не выскажу вам всего, что мне слышалось о вас. Потому продолжу свое дело, чтобы оно вышло, наконец, полное и целое. Тот остался бы виноват перед своим внутренним судьей и перед Судиею всех, кто по своим расчетам оставил бы и вас, и многих еще в недоумении, с возбужденными, может быть, но не разрешенными совсем запросами вместо того, чтобы дать уже вам безостановочно идти вперед, по своему, может быть, еще более уясненному для вас поприщу. Грешно не только мешать, но и не пособлять тому, кто имеет своим делом душу и прочное дело жизни, и при том душу не свою только и дело не одной своей жизни»³⁶.

Отец Феодор подчеркивает готовность каждого священника принимать любого человека под своды храма независимо от его рода деятельности и степени духовно-нравственного совершенства: «Истинный служитель Христовой Церкви притом же знает, что благодать (иерархического) священства необходима и даруется от Бога духовным именно для служения тому, чтобы Христос был и с простыми христианами, или мирянами, чтобы потому миряне оставались и действовали каждый в своей области или среде, с духовною самостоятельностью, не зависимою от какого-нибудь папистического вмешательства, как это завелось в неправославном католичестве. Значит, не преступна пред православием и та независимость светской журналистики, что ее деятели *не ходят по нас*»³⁷.

У каждого человека, особенно у художника, есть выбор: приближаться к свету истины или отдаляться от него. Отдаление отец Феодор называет духовной зверовидностью: «Бесчеловечно низвергать что бы ни было человеческое, особенно же мысль, творческую фантазию, свободу, ниже человечества, до духовной зверовидности»³⁸. А те, кто входит своим творчеством, научным, социальным или художественным, в область служения свету и красоте, уподобляются апостолам: «Пример Киреевского в области научной мысли, пример Гоголя и Иванова в области искусства, пример Сперанского в области гражданской правды доказывают это до очевидности»³⁹.

Архимандрит пишет: «Только вот в чем наша великая беда: подвижникам просвещения, не по букве только православного, а устремляющегося к удовлетворению истинно православных вопиющих потребностей духа нашего, не по силам выносить бремя того нравственного одиночества, в котором они по большей части остаются у нас, – получая от одних сочувствия, но не к тому, что требовало бы сочувствия, и будучи пренебрегаемы или даже осуждаемы другими, и именно теми, от которых крайне требовалась бы поддержка сочувствия и одобрения»⁴⁰. В таком одиночестве – холере или другой какой-либо болезни или просто несчастной судьбе – нетрудно сразить человека. Это мы говорим в объяснении того замеченного в одном из наших журналов факта, что в последние десятилетия многие из наилучших деятелей наших в области мысли, слова и искусства неожиданно среди самого расцвета сражены были косою роковой непоправимой беды... Это Твой гнев, Господи, праведно на нас движимый. Прости и помилуй нас ради Твоего Сына и Агнца, вземлющего наши грехи!»⁴¹. Таким образом, отец Феодор замечает печальную и постыдную тенденцию – «великую беду» в русской культурной среде: вместо того чтобы поддержать писателя или живописца, который всей душой стремится отразить в своем творчестве христианские истины, окружение в лице светских и церковных коллег и друзей отворачивается от него, ищет в нем

³³ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 96.

³⁴ Там же. С. 88.

³⁵ Там же. С. 54.

³⁶ Там же. С. 305.

³⁷ Там же. С. 190.

³⁸ Там же. С. 86.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Дальнейшее поведение отца Феодора по отношению к Н. В. Гоголю дает основания утверждать, что он имеет ввиду, в первую очередь, служителей Церкви.

⁴¹ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 114.

гордыню или психическое расстройство. Результатом такого отношения становятся не только тяжкое, непосильное «бремя нравственного одиночества» для художника, но и физические страдания и даже смерть. Смертельные болезни (туберкулез, холера), по мнению архимандрита, являются следствием душевного надрыва, т. е. они имеют психосоматическую природу. Эта мысль отца Феодора является актуальной не только для XIX в.

Напомним, что вопрос об отношении Церкви к светскому художественному творчеству поднимался еще в первые века существования христианства. Так, в IV в. появилось переложение Евангелия на древнегреческий язык, а вскоре из-под пера святителя Григория Богослова вышло изложение событий страстей Господних и воскресения в форме античной трагедии под названием «Христос страждущий», чем «Церковь засвидетельствовала свое творческое отношение к античному наследию» [6, с. 32]. Новая христианская культура не гнушалась использованием языческой базы для проповедования Евангелия, тем самым ответив на вопрос о том, можно ли «впускать Бога», божественные предметы в художественное творчество.

Россия не познала радости «ренессансно творческой избыточности», потому именно русскому сознанию, по мнению Н. А. Бердяева, свойственно было религиозное сомнение в оправданности культуры, «это было сомнение и аскетическое и эсхатологическое» [7, с. 90].

Литературная критика архимандрита Феодора в виде писем к Н. В. Гоголю – это не просто оценка творчества писателя, а попытка решить эту вековую проблему взаимодействия Церкви и художественной культуры в контексте диалога между творческой интеллигенцией и духовенством.

Представители Церкви поддерживали духовные успехи Н. В. Гоголя: «Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надо радоваться его христианскому направлению» [8, с. 47]. Однако они не подозревали, что для него выражение их радости звучало как выражение надежды на совершение им великого словесного подвига. Н. В. Гоголь не мог оправдать подобные «надежды», поскольку был всего лишь писателем, а не пророком, прозревающим глубины ада илирая: «Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладели мною от этой причины... Не готов я был тогда для таких произведений, к каким стремилась душа моя. Нельзя излагать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу» [9, с. 378].

Есть в письмах духовных лиц разбор творческого вдохновения, но тут же отмечается, что оно греховно, следовательно, его нужно очистить, а лучше вовсе от него отказаться: «Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает это вдохновение...»⁴². Религиозные его [Гоголя] понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного. Так как Гоголь писатель, а в писателе «от избытка сердца уста глаголют» (Мф. 12:34)» [10, с. 595–597]. Сам собою напрашивается вывод: быть светским писателем грешно.

Архимандрит Феодор, как мы убедились ранее, не отвергал творческого вдохновения, более того, считал его благословением свыше.

Мнение отца Феодора о Н. В. Гоголе и его книге выражается в цикле «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году». В письмах, которые сразу были задуманы как открытые, архимандрит стремится к нравственной поддержке писателя, а также подчеркивает, что собирается оправдать Н. В. Гоголя как цельного автора, у которого не было никаких изломов.

В начале цикла отец Феодор очерчивает план, по которому будет писать свое исследование: «...думаю я свою критику о вас... сделать таким порядком: сначала изложу в общей связи или в общей системе ваши мысли в “Переписке”»⁴³. В «Письме первом» архимандрит действительно цитирует текст гоголевского произведения «Выбранные места из переписки с друзьями» или пересказывает его: «В мире и жизни вы смотрите или желаете смотреть на все в соприкосновении с Богом, который Один возносит и выводит все из глубины ничтожества»⁴⁴. Попутно он объясняет суть искусства не только читателям, но и самому автору: «Послушайте-ка, что еще хочу сказать вам. <...> Ваши мысли об искусстве и поэзии таковы: вы возводите искусство к закону Христову и сим законом уясняете тайну искусства и поверяете его успехи»⁴⁵. Отец Феодор называет Н. В. Гоголя русским христианским поэтом и православным поэтом⁴⁶. В «Письме втором» архимандрит ставит своей целью проследить связь между прозаической

⁴²Курсив наш. – Т. С.

⁴³Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 257.

⁴⁴Там же. С. 258.

⁴⁵Там же. С. 297.

⁴⁶Там же. С. 299.

поэмой «Мертвые души» и прежними сочинениями Н. В. Гоголя: «Далее попытаюсь показать отношение последнего вашего сочинения к прежним»⁴⁷. В прозаической поэме отец Феодор увидел «прозревание радости их воскресения»: «И кажется мне, я понимаю этот ваш монолог, этот чудный вздох творческой любви о мертвых наших душах»⁴⁸.

Затем он продолжает описывать свой план анализа произведений Н. В. Гоголя «Наконец попытаюсь сделать и суждение об образе мыслей и направлении вашем, выраженном в последнем сочинении»⁴⁹. В «Письме третьем» архимандрит Феодор излагает богословскую систему, как бы поправляя некоторые неточности, возникающие у Н. В. Гоголя в понимании православных догматов. Он обращается к писателю как к брату, не ставя себя в позицию судьи или непреклонного критика: «Скажите, мой прекрасный брат, согласны ли вы со мной, дадите ли мне братскую руку на общее наше дело?»⁵⁰.

Так, например, архимандрит не согласен с мнением Н. В. Гоголя о теле как о прахе, к которому не стоит относиться серьезно: «Вот что разве, в вашем образе мыслей, стоит прямого замечания: “ничего не связывать с оставшимся прахом: стыдно тому, кто привлечется каким-нибудь вниманием к гниющей персти, которая уже не моя”. Эта мысль не устоит перед истиной. Понимаю, впрочем, как эта странная мысль могла возникнуть в вас и быть высказана вами: вы преследуете суетность, перенятую у европейцев, которая не дает покоя и покойникам. Из-за ничтожных приличий, из-за того, чтобы сказать или написать: я поклонился праху великого человека, теснятся все ко гробу или могиле, и попирают прах великого человека. Вы восстаете против сего самого. В этом надобно отдать вам справедливость. Но мысль ваша несправедлива! Были на земле такие великие люди, неведомые впрочем миру, которые требовали едва не с заклатьем, чтобы по смерти их труп их обвязать веревкой, волочить за ноги и бросить в каком-нибудь нечистом или диком месте. Но это не то, что у вас. Разница бесконечная. Там святой человек, всю жизнь подвизавшийся над своим внутренним очищением и достигший уже до такой чистоты, что даже только тень нечистоты, ощущаемая им в своем существе, уже смердит для него убийственным запахом, долженствующим прогнать от него всякого человека: вот почему решительно не удостоивает себя такой человек честного погребения. А вы говорите безотносительно к вашей личности: “ничего не связывать с оставшимся “прахом”. Чтобы поскорее покончить с вами, чтобы сразу видно было вам, что ваша мысль не от истины и в Христову систему не может войти, спрошу вас: когда, благоволивший именно для нас соделаться человеком, Господь и Спаситель наш умер и был погребен, были бы правы святые Апостолы и жены мироносицы, если бы, в своем безмерном горе стали водиться этой мыслью: “ничего не связывать с оставшимся прахом”? Господь восхотел, чтобы в самой силе и духе мы сообразовались с ним; в напутствие в другой мир мы приемлем живой Божественный залог тела и крови Христовой, который и воздвигнет наши мертвые тела в славу в последний день. И потому, как вам уже очень хорошо заметил кто-то, сама Св. Церковь имеет самое нежное, материнское внимание ко гниющей персти христианина»⁵¹.

Отец Феодор обладал даром доброты и чуткого отношения к ближнему. Для мнительного Н. В. Гоголя, который был и без того уничтожен критикой и обвинен даже самыми близкими, в том числе пастырями, в гордыне, архимандрит был даром утешения и добросердечного вразумления, которого писателю не хватало. Остается сожалеть, что Н. В. Гоголь не прочитал третье письмо отца Феодора. В нем пастырь осторожно указывает писателю на его горделивые фразы, которые могли оскорбить ближних и одновременно «поясняет» ему причину такого самопревозношения в излишней требовательности писателя к самому себе: «В самом деле в вашем предисловии, этом голосе беспримерной, неслыханной в наше время братской и патриотической любви к соотечичам, вдруг поражаешься каким-то странным звуком: “он не должен посметь не простить меня”. Видишь, что эта черта не идет как-то к общей вашей физиономии, и недоумеваешь, откуда она могла взяться и как она могла тут приладиться. И едва наконец догадываешься, не взялась ли она от несколько односторонне понятой христианской строгости к самому себе: по крайней мере я так объясняю себе появление в чудном гимне братской любви этого странного звука. Вижу и слышу, что в вас горит любовь же к брату, вживе выставляя ему на вид прекрасную обязанность быть чуждым вражды и неприязни; но вижу и слышу и то, что в сем объяснении, касающемся вашей личности, христианская ваша любовь неожиданно потеряла свое прямое направление, и приняла одностороннее, не идущее к ней, выражение стоической суровости»⁵².

Далее отец Феодор справедливо отмечает, что в представлениях Н. В. Гоголя о Боге как о «грознном судии» много от ветхозаветного учения. Этими представлениями объясняется односторонность в понимании

⁴⁷ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 258.

⁴⁸ Там же. С. 316.

⁴⁹ Там же. С. 258.

⁵⁰ Бухарев А. М. Три письма к Гоголю...

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

писателем суда Божия: «Бог не Грозный судия. Но Бог есть Любовь, мой прекраснейший брат, отвергающая в конец только решительно противящихся и враждебных Ему. Мы еще только односторонне поняли суд Его; мы упустили из виду первые же слова сего суда, основание и средоточие его»⁵³.

Дальнейшие литературно-критические статьи были написаны А. М. Бухаревым уже после снятия монашеских обетов и священного сана, т. е. после 1863 г. Он отказался от монашеского имени, но не отказался от Христа как средоточия всей жизни христианина. И его точка зрения на светские произведения остается в прежней модальности, заданной еще в письмах к Н. В. Гоголю.

В 1860-е гг. А. М. Бухарев написал статьи, посвященные романам «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского

Критик высказывается о жанре своих произведений следующим образом: «предлагаемые статьи»⁵⁴, «очерк сущности их содержания»⁵⁵, отчет («передать вам мой о нем отчет»)»⁵⁶.

В предисловии определяется позиция А. М. Бухарева как критика: он будет оценивать произведения по-прежнему с позиции христианской истины (точнее, христианской этики): «Предлагаемые статьи представляют, хотя несколько поздно, взгляд на оба произведения в свете живой Христовой истины, правящей всем и сильнейшей всего»; «Одна Христова истина, раскрываемая в ее живой силе и духе, именно в духе Христова самопожертвования за грешного человека, проливает полный свет к выяснению дела»⁵⁷.

В статье «Разбор двух романов, касающихся важных затруднений и вопросов современной мыслительности и жизни. “Что делать?” г. Чернышевского и “Отцы и дети” г. Тургенева», которая была опубликована в 1865 г., А. М. Бухарев использует прием пересказа содержания произведений с параллельным описанием характеров героев. Так, он пишет: «Для не читавших того или другого романа предлагается очерк самой только сущности их содержания. В романе г. Тургенева сущность дела следующая. Двое молодых людей, окончив учение в высших наших школах, возвращаются к родителям сначала одного из них, потом другого. <...> В отцах дети ловили главным образом фальшивое раздвоение между идеальными или добродушными их правилами и стремлениями – и малодушием, тщеславием и другими немаловажными грешками; в детях отцы видели или выводили наружу какое-то отречение от самых основ общепринятого, самого даже священного. В таком положении дел один из молодых людей, самый ярый и даровитый отрицатель всего не только двоедушного, фальшивого, но и только неведомого ему (Базаров) встречается с одной достойной женщиной, которая внушила ему к себе любовь серьезную и глубокую, отсвечивающую каким-то высшим роковым и таинственным смыслом, и, следовательно, составляющую нечто такое, что он обыкновенно отрицал от всей души. И вот началась в нем внутренняя борьба между этим неведомым, овладевшим всей его душой, и отрицательными его воззрениями, которым он весь предался»⁵⁸.

Сюжет романа «Что делать?» пересказывается аналогично: «Сущность содержания в романе г. Чернышевского разлагается на две стороны. С одной стороны, под жестокой деспотией пошлого своекорыстия и привычных, бездушных уже форм жизни очутилась душа живая и благородная (Вера Павловна), насильственно вовлекаемая своей матерью в низкие оскорбительные отношения. Один молодой человек (Лопухов) решился пожертвовать всей своей ученой карьерой, чтобы женитьбой на этой жертве освободить ее из нравственного погребя, где она была заключена на смертное томление»⁵⁹.

Произведения И. С. Тургенева и Н. Г. Чернышевского А. М. Бухарев рассматривает в свете современных проблем человека и общества, тем самым сохраняя основную функцию литературной критики: «Я пользуюсь романом г. Чернышевского к разъяснению того, что в самом деле нам делать при нынешнем умственном и нравственном состоянии нашего общества и отечества»⁶⁰. Так, роман «Что делать?», по твердому убеждению А. М. Бухарева, «может пособить здравому образу мыслей распутывать путаницу некоторых понятий, грозящих принести человечеству много, много лишних страданий и бедствий. Возьмем во внимание прежде всего понятие о самых основах нравственных. С одной стороны, возникли (разумеется, не у нас в России) и стали распространяться (и у нас в России) такие понятия, что в человеке совсем нет свободной воли, что он в своих действиях по необходимости следует поводам и побуждениям, которые, в свою очередь, тоже неизбежно определяются внутренним состоянием человека и окружающего его средой; что нравственная пружина или сила, непреодолимо увлекающая человека к таким или другим

⁵³ Бухарев А. М. Три письма к Гоголю...

⁵⁴ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 115.

⁵⁵ Там же. С. 116.

⁵⁶ Там же. С. 117.

⁵⁷ Там же. С. 116.

⁵⁸ Там же. С. 115.

⁵⁹ Там же. С. 116.

⁶⁰ Там же. С. 117.

действиям по известным поводам и побуждениям, есть именно (и это, говорят, не может быть иначе) эгоистический расчет, заставляющий каждого избирать то, что для него самого полезнее или приятнее»⁶¹.

По мнению А. М. Бухарева, главная проблема, которую поднимает Н. Г. Чернышевский, – проблема свободы воли. Рассматривая героев романа (Лопухова с его «благородным расчетом» и Веру Павловну с убежденностью в самостоятельности человека) посредством самоопределения и самоуправления своих действий (свободное поднятие руки), А. М. Бухарев приходит к разграничению понятий свободная воля и истинная свободная воля. Свободная воля сводится, например, к самостоятельности в поднятии руки, при этом духовный писатель считает, что «совсем иное дело – истинная свободная воля человека; совсем иной вопрос, есть или нет в духе человеческом. <...> Нравственная деятельность невозможна без мысли. Мысль человека, кажется, совсем связана своим внутренним законодательством и порядком»⁶². А. М. Бухарев переводит рассуждение в христианское поле, подчеркивая, что «нравственные действия одушевляются сердечными влечениями»⁶³ и свобода воли вытекает из целеполагания человека.

Критик завершает размышление о воле героев отсылкой к словам апостола Павла: «...придется и тебе проходить этот тяжелый опыт, который описал также св. ап. Павел: Сам не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а делаю, что ненавижу. Уже не я то делаю, а живущий во мне грех. Несчастный я человек!» (*Рим. 7:19–24*)⁶⁴. Таким образом, для подтверждения своей идеи А. М. Бухарев апеллирует к авторитетному источнику, которым для него является Священное Писание.

Роман «Отцы и дети» И. С. Тургенева критик рассматривает в контексте убежденности в подражании Христу в его искупительных страданиях и жертве за мир. Как мы могли убедиться, кенозис – смысловая доминанта не только жизненной позиции А. М. Бухарева, но и его творчества, в том числе литературной критики. Так, он констатирует, что «в романе “Отцы и дети” страдания героев, все жертвы поднимают и оживляют человеческий дух» [8, с. 122] и «бедный» Николай Петрович, и «погибшая жизнь» его брата, и Аркадий, и родители Базарова и сам, наконец, Базаров с своим (положим) «страстным, грешным, бунтующим сердцем... этот ли Базаров не носит на себе явной печати жертвы? Да, и жертвы неотвратимой; потому что не только в жизни, но и среди обстоятельств самой его смерти отозвалось в нем нечто таинственно-живое, как он ни восставал против безотчетности для него этого живого, да и по смерти над ним веет дыхание любви, явно очищенной уже от примесей ко всему у нас земной нашей грязи»; «Животворящая сила страдальческого Креста! И я с радостью вижу, что и помыкаемый отцом Ситников, и Кукшина, страдающая от неестественности своего положения, как и эта странная княгиня Р... – все несут или несли свой крест, который к чему-нибудь живому приведет же их в жизни или по смерти. Недаром эта княгиня Р..., первая любовь Павла Петровича, завещала ему после себя подаренное ей от него же кольцо с сфинксом, на котором она провела крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка. И нет лишних людей, и даже г. Колязин нет, не лишний, а необходимый человек и он»⁶⁵.

Критик приходит к выводу, что действительно талантливо написанные произведения служат «распространению истины, делу добра и истины», а в рассматриваемом романе раскрывается «тайна жизни»⁶⁶.

В статье «О романе Достоевского “Преступление и наказание” по отношению к делу мысли и науки в России» (1870), которая была опубликована в 1884 г., А. М. Бухарев утверждал, что «Достоевский есть прямой и пока почти единственный преемник и наследник Гоголя. Подобно последнему, он имеет и ведет свое художественное дело также главным образом с неисцельно болеющими или даже мертвыми сторонами нашей жизни и духа, своим творческим талантом следя и нам давая следить носящуюся и над ними животворную для них мироправительную Любовь. Но Достоевский имеет в этом свою великую особенность: он входит (и нас вводит) в самый внутренний процесс духовной жизни своих героев, входит так глубоко и живо, что как будто сливается собственная его мысль с мыслями и движениями его героев. <...> Но что это только иллюзия, доказательство тому – живое и резкое типическое своеобразие каждого из его героев, раскрывающееся в этих самых мыслях и речах, в которых словно сам автор говорит и мыслит за своего героя» [11, с. 2]. Таким образом, критик предвосхитил идею М. М. Бахтина о полифонизме Ф. М. Достоевского, которая появится в труде «Проблемы поэтики Достоевского» только в 1929 г.

Рассматривая роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, отец Феодор подчеркивает теоретическое происхождение идеи Раскольникова, «научность» его обращения к разуму: «Убеждения Раскольникова – научные в своем роде, что он “выдумал” свою роковую мысль именно как человек мысли, науки. Вне области научной мысли Раскольников невозможен. Возьмите во внимание хоть то

⁶¹ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 117.

⁶² Там же. С. 119.

⁶³ Там же. С. 120.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 182.

⁶⁶ Там же. С. 183.

одно, что этот господин научно опирается на Наполеонов, на Магометов не только еще до совершения преступления, но и после добровольной повинности, до самой каторги в Сибири. Мысль его, логически развитая на основании теории “благодетелей и установителей человечества”; мысль, свойственная человеку науки, была семенем его преступления; внешние обстоятельства его собственной бедности, стесненное положение его матери, жизненные опасности его сестры были только поводами и способствующими влияниями к самоскорейшему раскрытию этого семени в ужасном своем плоде» [11, с. 2]. А. М. Бухарев использует в отношении идей Раскольникова следующие выражения: «Его мысленные борения», «все дело Раскольникова, внутреннее его состояние и судьба его замешаны на закваске научной мысли»; «но все дело его и все слова его об этом относятся, повторяю, к выполнению. Развитию и оправданию им своей идеи» [11, с. 3–4]. Деление Раскольниковым людей на два разряда (власть имеющих и тварей дрожащих) критик соотносит с современным состоянием общества: «В самом деле, когда у нас лучшие, даже верующие и патриоты, из ученых держатся такого умозрения, например, о государстве, о политике, что это – область сама по себе независимая от начал нравственно-религиозных, начал благодати и правды Христовой, что в этой области главное или управляющее начало – государственный интерес и что потому наиболее проницательные, могучие и успешные борцы этого интереса, жертвующие ему кровью армий и народов, – они именно и творят гражданскую и политическую правду, они и должны двигать массы: но разве слишком далека от подобных воззрений теория Раскольникова? Когда перевес, например, европейских народов над азиатскими и африканскими объясняется наукою особенно из племенных различий в построении черепа и под., вообще из физиологической способности или неспособности (выразимся по Раскольникову) сказать миру новое слово; то здесь теория Раскольникова просто дается уже не на одних неделимых, но и на целые народы, так что из этих народов одни, по самой природе, принадлежат к заправителям, а другие только к размножающему человеческий род материалу» [11, с. 10].

Таким образом, убеждаемся, что и в данной статье А. М. Бухарев рассуждает в рамках христианского дискурса, указывая, что теория Раскольникова могла возникнуть только при условии отступления от духа истины, поскольку деление людей на достойных и недостойных противоречит самой сути христианского учения о принесении Христом жертвы за всех без исключения. Само преступление мысли Раскольникова оборачивается против него и определяется как духовное самоубийство: «Он ухлопал своим топором этого прекрасного ребенка – внутреннего своего человека, рубнул в голову свои лучшие движения и инстинкты». В этом утверждении А. М. Бухарев делает отсылку к представлению о каждом человеке, согласно христианской антропологии, как о творении Божиего Отца, а значит, Его ребенку («Подумайте, какую великую любовь Отец проявил к нам, позволив нам называться детьми Божиими! И мы в самом деле таковы» (1 Иоан. 3:1)) [11, с. 31].

Заключение

Таким образом, литературная критика архимандрита Феодора имеет своей смысловой доминантой личность Христа и кенозис как основание для оправдания любого рода деятельности человека. Литературное творчество он рассматривает в контексте впускания Христа во все сферы жизни человека. Наличие в произведении отблесков истины, любви и красоты как свойств Бога для отца Феодора является признаком достойной литературы.

Одаренные писатели в своем таланте имеют энергию Бога – слова, божественного логоса, а потому их произведения нужно оценивать в контексте христианского дискурса. Священники могут анализировать светские произведения, и в их обязанности как пастырей входит поддержка духовно одаренных писателей.

К традиционным жанрам литературной критики архимандрита Феодора относятся статья и обзор. Иногда он сам определяет жанр своих произведений («мое исследование», очерк, отчет, заметки). Литературно-критические труды отца Феодора включают составление плана статьи, пересказ произведения, вкрапление фрагментов духовной биографии рассматриваемого писателя, критику прямого действия, в которой он сразу определяет свою позицию как критика – духовного писателя и анализирует творчество в контексте христианского учения.

Как каждый «традиционный» литературный критик, А. М. Бухарев обращается к современным проблемам общества, анализируя произведения. Критика отцом Феодором светского искусства является попыткой наладить диалог между творческой интеллигенцией и Церковью. Апогеем этого диалога является цикл «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», в которых архимандрит не только оценивает произведение писателя, но и стремится к нравственной поддержке всеми отвергнутого светского пророка, а также объясняет его творчество как целостный путь к воплощению христианских догматов не только читателям, но и самому автору.

Знаменательна фраза, с которой Александр Матвеевич обратился к жене по поводу воспитания дочери: «Научи ее любить Бога и людей. Но только не ломай ее. Не ломай...» [4, с. 12]. Эта фраза – призыв к осуществлению свободного роста во Христе, доступного всякому человеку по мере его сил и дарований, а творческому человеку – в особенности.

Библиографические ссылки

1. Протоиерей Георгий Ореханов. *Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы*. Москва: Эксмо; 2016. 608 с.
2. Струве Г. *Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы*. Москва: Русский путь; 1996. 446 с.
3. Егоров БФ, составитель. *Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей*. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института; 1997. 825 с.
4. Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). *О духовных потребностях жизни*. Москва: Столица; 1991. 320 с.
5. Бухарев А. *Св. Иовъ Многострадальный*. Москва: Издательство А. И. Манухина; 1864. 107 с.
6. Протоиерей Валентин Асмус. *История Церкви*. Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт; 1998. 211 с.
7. Бердяев НА. *Самопознание: сочинения*. Москва: ЭКСМО-Пресс; 2001. 624 с.
8. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. *Творения*. Москва: Отчий дом; 1994. 476 с.
9. Золотусский ИП. *Гоголь*. Москва: Молодая гвардия; 2005. 485 с.
10. Концевич ИМ. *Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра*. Москва: Издательский отдел Владимирской епархии; 1995. 602 с.
11. Архимандрит Феодор. *О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России*. Москва: Университетская типография; 1884. 50 с.

Статья поступила в редколлегию 09.02.2026.
Received by editorial board 09.02.2026.